

Слово за словом за словом — в этом
и заключается сила.

Маргарет Этвуд

БЫТЬ ЛОЛИТОЙ

Когда он впервые поцеловал меня, то поцеловал не в губы. Тогда я еще не читала книгу. Он сказал, это красивая история о любви.

Мы встречались в круглосуточной закусочной у трассы, ведущей в соседний городок. Я знала, во сколько нужно прийти к нашему столику в углу зала, потому что посреди урока, прямо у всех на виду, он смотрел мне в глаза и писал цифру на доске — восемь или девять, или десять, — а потом стирал ее другой рукой. Он был моим учителем английского языка в школе. Рукава его рубашек всегда были испачканы мелом. Ему двадцать шесть. Мне, когда мы впервые встретились, семнадцать.

Я говорила родителям, что иду к друзьям или делать уроки. На самом же деле сидела часами напротив него. На стене над его головой висела картина греческих руин; он выставлял оценки за сочинения, а я иногда учила латинский. Но обычно я писала ему, а он забирал мои записки домой или же читал прямо там, под кру-

глюсучной флуоресцентной лампой, и писал ответ — на салфетках, бумажных клеенках, клочках школьных бумаг. Наверное, мы исписали своими буквами сотни страниц, но у меня остались всего несколько, которые я спрятала от него, украла и сохранила. Прежде чем уйти, он собирал бумаги и салфетки, рвал их и складывал в наши стаканы с водой, а я наблюдала, как растекаются чернила и теряют свою форму буквы. Мне нельзя было хранить их. Мне не следовало обращаться к нему на «вы», когда мы были вдвоем, я должна была просто называть его по имени. Однако я не могла называть его по имени в школе. Никаких телефонных звонков, никаких электронных писем, никаких прикосновений. Он установил правила.

Эти правила нарушались в той самой закуской за нашим столиком. Стоял май, почти что наступило лето, в каждом классе обсуждали выпускной, в коридорах висели цветастые плакаты и блестящие от клея баннеры. Всюду считали дни. От этого было не убежать.

Он пытался научить меня великой литературе, подготовить к тому, что ждало меня в колледже всего через несколько месяцев.

— Тебе определенно следует изучать английский, — сказал он мне, откинувшись на спинку и раскинув руки, занимая столько места напротив меня, сколько возможно. Именно эта поза, если бы мы сидели одни в темном кинотеатре, означала бы, что дальше он положит руку мне на плечо.

Он бы не стал притворно кашлять, а просто сделал бы, что хотел. Я в этом уверена.

За нашим столиком из бежевого пластика и потускневшего серебра он читал мне произведения великих: Эдгар По, Диккенс, Готорн, Кэрролл. Его это вдохновляло, он подражал разным голосам, читая «Алису в Стране чудес», смеялся над литературными шутками, которые мне полагалось понимать, и поэтому я тоже смеялась. Я поддакивала, думая, как мне повезло заполучить такого личного учителя.

В ту ночь он читал мне «Лолиту» с самого начала. Разговаривал со мной набоковскими цитатами, смеясь: *«Свет моей жизни, огонь моих чресел»*. Мне казалось, ничего не может быть романтичнее. Но я все портила — постоянно терла лодыжки друг о друга, пытаюсь почесать комариный укус. Ребенок, который не может сидеть спокойно.

Он начал водить большим пальцем по странице, нажимая все сильнее и сильнее, оставляя крошечные прорехи на бумаге, а его голос становился громче.

— Комар укусил? — спросил он наконец.

— Да, — сказала я, сидя прямо, будто к моей спине приставили невидимую линейку.

— У тебя нет каламинового лосьона?

— С собой нет, — сказала я.

— Знаешь, — сказал он, — слюна помогает от зуда.

Он посмотрел на меня. У него зеленые глаза. Мои ноги в шлепанцах лежали на потрескавшейся

Элиссон Вуд

красной коже диванчика рядом с ним, мои колени были словно соединительным мостом между нашими сиденьями. Я его не касалась, не нарушала правила.

Он склонился над моей ногой и прислонил губы к порозовевшей опухшей лодыжке. Я ощутила его дыхание на своей коже.

В тот момент будто враз распахнулись все шкафчики в школьном коридоре, металл поцеловал бетонные стены. Именно так я себя ощущала.

Часть 1:
НИМФА

1

— Я думал, она умерла, — шепнул кто-то. Я не знала, кто сказал это, но знала, что говорили обо мне.

Помню коридоры школы в первый день выпускного года. Помню шкафчики, зеленые, как мухи, и темно-коричневые, как болезнь.

«Слышала, ее забрали в психиатрическую больницу, там она и была весь прошлый год. Какая же она шлюха. Видели шрамы у нее на руках?»

Помню, я проснулась рано в то утро, волнуясь перед предстоящим днем, долго выбирая, что надеть. Мама пыталась заплести мне косу, но выглядело неидеально, поэтому я распустила волосы. Помню, поняла, что забыла почистить зубы, только когда уже зашла в школу и подбирала код к шкафчику.

«Ее выгнали. Она бросила всех друзей. Слышал, она пыталась покончить с собой».

Помню, я шла одна.

Об одиночестве написано много литературы. Об одиночестве как о предпосылках любви. Буд-

то ты не можешь по-настоящему полюбить кого-то, пока не окажешься в одиночестве и без любви на какое-то время. По крайней мере, если ты женщина. Будто период затянувшегося одиночества является очищением, делает девочку достойной мужской любви. Вспомните греческие мифы: «Одиссей» — Калипсо и ее колдовской танец на острове в полном одиночестве, Пенелопа и ее двадцатилетнее ожидание, пока не вернется странствующий муж. Вспомните наши сказки и истории, которые мы рассказываем дочерям перед сном: Золушка, трудящаяся в грязи, пока не примерила туфельку; Рапунцель, живущая в башне, где единственной компанией ей были ее длинные волосы. А потом появляется принц, который ее спасает.

Набоков писал, что все хорошие истории — сказки. В семнадцать я не могла дождаться, когда стану чьей-нибудь принцессой.

2

Все началось не случайно. Середина сентября: я ходила на уроки писательского мастерства, а еще на английский, в театральные кружки, в студию искусств, на курсы математики и латинского. Ненавидела алгебру, обожала латинский. Но больше всего мне нравилось писать. Моя учительница по писательскому мастерству, мисс Кроикс, была новенькой. Она ничего обо мне не знала, лишь видела записи школьного социального работника. На уроке она предложила мне написать на пустых страницах все, что я захочу.

Фиолетовыми чернилами она выводила комментарии в моей тетради для сочинений с обложкой в черно-белую крапинку: что-то вроде «Какая фраза!» или «Как точно!», или «Вау!» с кучей восклицательных знаков. В семнадцать я заполняла тетради быстрее потока воды.

В тот понедельник она написала в моей тетради в конце выполненного задания своими витиеватыми буквами: «Зайдешь пообщаться после